

Каждый научный процесс характеризуется присущими им источниками и движущими силами, обуславливающими их протекание и развитие.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В3-х томах. Т.3. М., «Мысль», 1972 – С.216.
2. Достаточно показать, что уже в последние десятилетия этому вопросу посвящено ряд интересных изданий, таких, например, как: Ярошовец В.І. Людина в системі пізнання. – К., 1996; Петрушенко В.Л. Епістемологія як філософська теорія знання. Монографія – Львів, 2000; Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы: Пер. с англ.-К.: Ника-Центр, 2001; Матурана У., Варела Ф. Древо познания. – М., 2001 и др.
3. См.: Великий тлумачний словник сучасної української мови // Уклад. І голов. Ред.. В.Т.Бусел – К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2001 – С.1220.
4. См.: Воловик В.И. Философия педагогики. – Запорожье: Просвіта, 2003 – с.63-87; Философия истории. – Запорожье: Просвіта, 2004 – с.54-66; Политическое сознание. - Запорожье: Просвіта, 2006 – С.84-133.
5. См.: Алексеев И.С. Наука // Философский энциклопедический словарь. М.: Сов.Энциклопедия, 1983 – С.403-406.
6. См.: Великий тлумачний словник сучасної української мови. – К.: Ірпінь ВТФ «Перун», 2001 – С.674.
7. См., например: Лепский М.А. Проблема социального сопротивления в исследовании формирования деформации социальной перспективы // Нова парадигма. – 2001. – Вып.33. – с.43-53; Соціальний опір: проблема ідентифікації і протидії // Людина і політика. Український соціально-гуманітарний журнал. – №1(19) – Київ, Харків, Львів, Донецьк, 2002. – С.66-74; Абаніна Н.С. Діалектика взаємодії: соціальні інновації – соціальний опір // Культурологічний вісник: Науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпрянщини. – Запоріжжя, 2009. – Вип.33. – С.214-231.
8. Юдин Б.Г. Наука в обществе знаний // Вопросы философии. – 2010. – №8 – С.48.
9. См.: За 20 лет в Украине стало втрое меньше ученых // Публика. Журнал-газета. - №5 (634), 29 – 4 февраля 2013. – С.4.
10. См.: Мунтян В. Интеграция и безопасность Украины // 2000. – №4 (639), 25-31 января 2013. – С.А 6.

SUMMARY

The article deal with the social philosophical analysis of scientific process. To define the concept of this phenomenon it's essence and appearance are discovered. As a result the integrity of it's general and special textures is formulated.

М.А. ЛЕПСКИЙ

ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ «СЛОЖНОСТЬ»

В проблематике развития особое место занимает исследование «сложности». Во-первых, сложность рассматривается как существенная характеристика развития, причем часто именно прогрессивного, наряду с необходимостью, направленностью, объективностью, повторяемостью и достижением качественно нового состояния. Во-вторых, противоположным процессу усложнения является процесс упрощения (в результате первого проявляется сложность, а второго – простота). При этом как усложнение, так и упрощение могут рассматриваться как характеристики прогресса. Например, упрощение процедуры открытия бизнеса рассматривается как прогрессивная тенденция, а бюрократизация – процесс усложнения, – как инерционность или даже регресс в этой сфере. Упрощение социокультурных практик рассматривается как архаизация, регресс, а усложнение, разнообразие услуг обеспечения качества жизни как прогрессивная динамика. В-третьих, сложность

все чаще рассматривается в контексте связанности с нелинейностью, неустойчивостью и неопределенностью как атрибут синергетических системы и процесса.

Очень часто понятие «сложности» используется конвенционально в субъективной актуализации тех или иных аспектов его семантического поля. При этом в конвенциональном восприятии может происходить недоразумение, когда каждый субъект взаимодействия понимает под понятием свой доминирующий аспект. Ситуация усугубляется, если происходит абсолютизация отдельного аспекта в восприятии. Иная ситуация определяется в объемном восприятии конвенционально воспринимаемых смыслов, когда часть смысла, его аспект, транслирует целостность семантического поля предмета, пусть и под разным углом зрения. В этом смысле метафора «голограммы» дает свои преимущества, поскольку при доминации того или иного аспекта в фокусе исследования, не теряется целостность, пусть и другие части, аспекты, рассматриваются «размыто», нечетко. В этом смысле холистичное понимание предмета отражения в конвенциональном понимании обладает как рядом преимуществ, так и угроз.

Во-первых, часть репрезентует свойства целостности, но свойства целостности не сводятся к свойствам части. Иными словами, эмерджентность, как отражение интегративных свойств целостности, обладает проявленностью в частях целого, но отдельно взятые части, теряют эти свойства. Поэтому конвенциональное использование понятия несет в себе угрозу абсолютизации части, в данном случае, отдельного аспекта с утратой целостной специфики и сущности предмета исследования.

Во-вторых, конвенциональный подход предполагает взаимодействие субъектов познания, как дискуссию, поиск предметного поля исследования. При этом критический подход и принцип «доверия познающему субъекту» предполагает, что в научной дискуссии и согласовании аспектов произойдет восхождение от частных аспектов к целостному «видению» предмета конвенции. Угрозой конвенционального подхода является возможная «косность», привязанность исследования к своей смысловой доминации. Тогда восхождение к целостности отражаемого предмета не происходит, и исследователи склонны к релятивизму и метафизичности, как абсолютизации части в ущерб целостности, или вместо целостного предмета исследования осуществляется перечисление несогласованных в целостности частей. Угроза связана собственно в отсутствием целостной согласованности как отражения целостного объекта исследования.

В-третьих, конвенциональный подход призван приближаться к истине в согласованности знаний о целостном предмете исследования, но конвенция может произойти «политически» в «цеховой корпоративности» или в научно-полевой определенности, как иерархических отношениях в науке, тогда соглашение является не процедурой поиска истины, а процедурой компромисса. Несогласованность целостного предмета компенсируется «научными ритуалами», «политесом» и мифологизацией «истинности концепции», основанной на согласии авторитетов. То, о чем писал Мишель Фуко: «Я полагаю, что в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых – нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события, избежать его такой полновластной, такой угрожающей материальности» [1, с.51].

Поэтому конвенциональное, интересубъектное исследование, на наш взгляд, является первым этапом осмысления предмета исследования, за которым должен следовать этап определения, поиска отграниченности предмета исследования как целостности от иного. Это является существенной характеристикой системного исследования, предметом которого является целостность. При этом если конвенциональный подход позволяет легче раскрыть разнообразие, то единство в многообразии уже требует целостности.

Этимологически понятие «сложность» обрело поле «живого образа» во взаимодействии людей с непосредственными ситуациями, когда требуется выяснение понимания «сложности» для осознания того, что это понимание своего отношения и определение действий. «Сложность» в русском языке происходит от «сложения», «сложенности», т.е. составного характера предмета или процесса. Такое смысловое поле еще более рельефно представлено в украинском языке, корень слова «складність» происходит от «склад», «складено». В целом в этимологическом поле «сложности» присутствуют следующие смысловые аспекты.

Во-первых, это **объективная предметность сложности**, такое проявление предмета или процесса, которое представляет его как **составное**, многокомпонентное и многоэлементное объединение, как правило, **целое**. Сложность как свойство, проявленное качество в многоэлементности характеризует предмет, процесс или их совокупность. Во-вторых, особую роль в смысловом поле играет **субъективность восприятия сложности**, что означает собственно наличие субъекта познающего и действующего (или даже просто наблюдателя сложности), а также осуществление мысленного анализа, декомпозиции целостности (т.е. субъект-объектная направленность восприятия). В-третьих, здесь присутствует **субъектно-волевое отношение к сложности**, как необходимость усилия, преодоления трудности познания и осуществления практически-преобразующей деятельности. В-четвертых, в этимологическом поле особым аспектом является **коммуникативность определения сложности**, осуществление коммуникативных отношений изложения или передачи смысла и значения сложности коммуникатором или понимания коммуникантом, того, кто передает и того, кто воспринимает в коммуникации смысл или знание о сложности. В-пятых, **саморефлексия в определении сложности**, осознания собственной позиции и самоосознания субъекта во взаимодействии с предметом сложности (субъект-объектные отношения) и в коммуникативных отношениях по поводу осознания предмета сложности (субъект-субъектные отношения).

Иногда можно встретить метафоричное настороженное отношение к сложности. Так, например, в парадоксальном, сходном по звучанию корне отмечается «сложность от слова «ложь», а «простота» от слова «рост». В этом смысле подчеркивается произвольность выбора сложного возможность искажения сложного, как многозначного, или сохранения в сложном неопределенного. Необходимо отметить этимологически интересное выражение «в общей сложности», как подведение итога деятельности, результата какого-то процесса в целом. «В общей сложности» рассматривается не просто сумма, или множество, а целостность, как возможность в сложности новых «составных», системообразующих, эмерджентных свойств, что вызывает осмысление проблемы супераддитивности.

Это предварительное рассмотрение этимологически закрепленного предметного поля и выяснение недостатков конвенционального использования понятия «сложность» обуславливает проблему определения сущности сложности, понимания того, что же собственно это такое «сложность».

Из предварительного этимологического анализа выходит, что сложность «это свойство объективно существующего предмета, совокупности предметов или процесса, которое проявляется в отношении». В первой части определения мы рассматриваем, что «это свойство объективно существующего предмета, совокупности предметов или процесса», подчеркивая в этом словосочетании реальность, объективность, независимость от нашего сознания этого свойства. Это первая существенная характеристика сложности, ее можно обозначить как объективное содержание. То, что в этимологии проявлялось как объективная предметность сложности. Сложность проявляется как характеристика объективного мира, а не мира отражений, иллюзий сознания. Конкретный человек как обладатель сознания может быть как разумным, так и утратившим меру разумности – безумным (пользуясь терминологией Эдгара Морена). В этом проявлении сложности акцентируется внимание не на процессе отражения, а на первенстве и базовости объективного.

Объективно существующая сложность характеризуется наличием многокомпонентности, которая, в свою очередь, есть многоэлементными частями. Многокомпонентность как большое количество частей и с различными качествами, первое, что определяется в сложности, и рассматривается, как минимум, наличие не одного, а более компонентов. Многокомпонентность предполагает наличие *разноуровневости*, а значит и проявление *структуры*, в первой предпосылке целостности.

Первой атрибутивной характеристикой сложности можно утверждать *сложенность*, ее составной характер, как структурность *в многокомпонентности и разноуровневости*. Этот атрибут по отношению к целостности является предпосылочным, поскольку не всякая структура с составным, многокомпонентным составом является проявлением сложности. Эта характеристика обязательна, но не достаточна. Например, ребенок сложил кубики во время игры, составной характер, многокомпонентность и разноуровневость налицо, но вряд ли это проявление сложности. Предпосылочно возможно, но еще не факт. В приведенном примере эта сложенная конструкция

отражает объективные законы притяжения и устойчивости, если они нарушены - конструкция разрушается.

Второй характеристикой сложности, является не просто наличие многих компонентов и элементов, но и еще *наличие множества связей и отношений между ними*, которые в свою очередь, которые не инвариантны, не единственны, а *обладают многообразием и поливариантностью*.

При этом структура, в своей многоэлементности и составном характере, может состоять из одних и тех же (или подобных) элементов и компонентов, а комбинации связей и отношений вариативны и различны. Например, общества состоят из людей (которые остаются людьми в различных обществах), объединяются в группы (компоненты), но сами эти общества существенно отличаются. Или в биологии все растения состоят из клеток, которые объединены в компоненты, цветы, плоды, листья, стебель, корни, но как разнообразен мир растений.

Сложность проявляется как свойство не только целостности, но и отношений между целостностями, объединенными в группы, популяции, и т.п., в метацелостности, объединенные в новые часто эмерджентные отношения (например, общество или биоценоз). Так, базовым для человека является биосоциальное существование, но его недостаточно, поскольку человек стремится к социальному осуществлению в отношении с другими людьми и собственной реализации. К тому же в определенных случаях готов пожертвовать своим существованием ради осуществления своей жизни. Конечно, это иллюстрация сложности как поливариантности (осуществления) как на уровне целостности, так и на уровне взаимодействия с другими целостностями, и осуществления метацелостностей (коллектива, предприятия, страны) в жизни конкретного человека.

Третья характеристика связана с тем, что «составной характер» уточняется не только в сложности простого - конфигурации структуры, но и *мерой объединенности*. Так в упражнениях из простых движений появляется сложная комбинация, при наличии их объединенности и комплексности, как связанности и последовательности движений *Сложность как мера объединенности проявляется в особом состоянии связей – в связанности и последовательности*. Сложность характеризует многообразие связей как мера связанности простого. Так, на одной структуре могут осуществляться множество функций, циклических и повторяемых, а также поливариантность направленности в развитии целостности. Если на одной структуре появляются дополнительные функции, или каждое поколение добавляет новые функции, то этот процесс рассматривается как усложнение.

Например, эволюция, как полифункциональность мобильных телефонов от просто прибора связи до включения функций модного аксессуара, радио, магнитофона, телевизора, диктофона, компьютера Интернет-устройства, записной книжки, будильника, игрушки и т.д. Все это объединено в одном устройстве. Такие примеры можно наблюдать и в биологическом, и в социальном мире. В обществе происходит как разделение труда (дифференциация), так и интеграция (исцеление) возврат к целостности связей производственных отношений, появление в них *эмерджентности*, которая выступает не только свойством целостности, которая может рассматриваться как система, но и четвертым существенным проявлением сложности.

Определив четыре существенных характеристики сложности, вернемся ко второй части определения «это свойство, которое проявляется в отношениях», поскольку сложность проявляется, прежде всего, в деятельности, в осознанной целеполагающей активности. Необходимо подчеркнуть, что сложность идентифицируется и осознается только в познавательной и практически преобразующей деятельности, поэтому нас интересуют субъект-субъект-объектные отношения, не только в проявлениях объективной сложности, но и субъективной, субъективированной и объективированной.

Субъект-объектные отношения осуществляются как познание (гносеологическая деятельность) и практическая преобразующая деятельность. Сложность в познании определяется в процессах отражения, восприятия, различении и понимании. В познании диалектика сложности и простоты осуществляется в единстве анализа (декомпозиции) и синтеза (объединении, комплексировании). Эта проблема приобрела особое значение в системном мышлении.

«Сложность чего бы то ни было может проявляться двумя различными путями. Называя что-либо сложным, мы, как правило, представляем себе очень много различных частей. Это сложность, вызванная детализацией, количеством рассматриваемых элементов. Когда перед нами мозаика, составленная из тысячи кусочков, мы имеем дело со сложностью детализации. Обычно нам удается

найти способ упростить, сгруппировать и организовать такого рода сложную структуру, в которой для каждой детали есть только одно место. С такой задачей хорошо справляются компьютеры, особенно если она допускает пошаговое решение. Сложность другого типа — динамическая. Она возникает в тех случаях, когда элементы могут вступать между собой в самые разнообразные отношения. Поскольку каждый из них способен предлагать во множестве различных состояний, то даже при небольшом числе элементов они могут быть соединены бесчисленным множеством способов. Нельзя судить о сложности, руководствуясь количеством элементов, а не возможными способами их соединения. Далеко не всегда верно, что чем меньше элементов входит в систему, тем проще ее понять и контролировать. Все зависит от степени динамической сложности» [2, с.36-37].

Достижение сложности и простоты осуществляется в двух противоположных процессах абстрагирования (поиск лишь существенных характеристик и отношений, при игнорировании и сокращении детализации) и конкретизации (уточнение совокупности существенных отношений в реальных и детализированных ситуациях). При этом научный принцип восхождения от абстрактного к конкретному в работах Г. Гегеля, К. Маркса и Э. Ильенкова обосновывает логику продвижения научного поиска. С достойным философским юмором эту проблему показал Г. Гегель. Абстрактное всегда характеризуется упрощением, а конкретное всегда усложняет познание. Но именно исследование конкретного вызывает научное одобрение философа. Конкретное в определении и различении требует целостности восприятия, без излишней детализации, и проявляется в усложнении как формирование «живого образа», а потом преобразование его в представление, в осмыслении единства фигуры и фона, предметности, константности, обобщенности и целостности.

В сознании человека оперирование образами представляет собой осмысление «голографическим отражением» нерасчлененности и синтетичности отражения, под разными углами рассматривая эту целостность. Абстрагирование и конкретизация являются процедурами осмысления образов восприятия. В свою очередь представления, как осмысленные и снятые в сознании образы, позволяют сознанию моделировать и конструировать ожидаемый конечный результат практической преобразовательной деятельности. Снятие, как отражение объективных отношений, проявляющихся в сложности, определяет субъективирование сложности, что требует декомпозиции сложного в выявлении взаимосвязанного простого в модели. И наоборот, моделирование и конструирование осуществляет синтезирование и комплексирование простого в сложное. Подробнее проблема модусности (моделирование объекта-заместителя на основе объекта-оригинала) и модульности (воплощение в практической деятельности объекта-заместителя, как проекта будущего результата) в моделировании изложена в нашей монографии [3, с.315-317].

Эти процессы особенно ярко иллюстрируются в достижениях бионики, история которой рассматривается с 1951 года, когда научно-исследовательский отдел Военно-морского министерства США приступил к изучению живых организмов как биологических моделей в надежде найти какие-то новые принципы для разработки механических и электронных систем для флота [4, с.9].

Сложность в гносеологическом плане рассматривается в контексте противоположного и его меры, т.е. меры простоты, в реализации принципа простоты. О развитии этого подхода Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф и Уемов А.И. пишут так: «В современную эпоху простота природы мыслится как наличие в ней (природе) тенденций к ограничению разнообразия, в связи с чем, идея простоты оказывается тесно связанной с понятиями об инвариантах и повторении. Мир бесконечно сложен и разнообразен. Но, как свидетельствуют данные науки, за различием и сложностью постоянно обнаруживаются (пусть не абсолютно строгие) ритмы и повторения, симметрии и инварианты». И далее, подытоживая тезис о «простоте природы», авторы приходят к выводу о правильности понимания «простоты в природе» (акцент на смысле предлога «в»). Таким образом, если идею простоты природы истолковать как ее единство, наличия в ней инвариантности, повторения, симметрии, она не только играла, но и продолжает играть плодотворную роль в деятельности естествоиспытателей» [5, с.245]. Но, помимо «простоты в природе», простота рассматривается как принцип научного познания. При этом вспоминают принцип лезвия Оккама «Non sunt entia multiplicanda praeter necessitatem», т.е. «Не нужно множить сущности без необходимости», или принцип И. Ньютона «не излишествовать» в причинах при объяснении явлений.

Разграничение простого и сложного в познании использовал Ф.Бэкон в исследовании движения. «Существуют простые движения, заключающие в себе корень всех остальных действий в природе (в зависимости, правда, от тех или иных состояний материи), и движения сложные или

произвольные. Эти последние служат основанием существующей философии, которая почти не соприкасается с природой, а между тем такого рода сложные движения, какими являются рождение, разложение и другие, скорее должны считаться уже неким результатом или суммой простых движений, а не простейшими движениями... Их (простых форм движения) усложнение, продолжение, изменение, ограничение, повторение и многообразное соединение образуют сложные формы движения, т.е. суммы движений, которые обычно воспринимаются. Этими знаменитыми суммами движения являются рождение, разрушение, увеличение, уменьшение, изменение, расширение, а также смешение, отделение, превращение (*versio*)» [6, с.221-222]. В Суммативном законе природы утверждалось, что все различия порождаются в природе повторением и умножением единообразных частей и элементов.

Суммативное определение «сложенности» не всегда является адекватным, поскольку появляющиеся эмерджентные свойства целостности всегда будут означать новое качество, которое не сводится к сумме. Шредингер отмечал, что в развитии круга экспериментальных данных и системы знаний роль арбитра к концепциям в теории познания играет простота, относящаяся не к данной ситуации, а к продолжающейся тенденции, к знанию, взятому в развитии [5, с. 252]. В концепции динамической простоты отражается присущая научному познанию тенденция к отбору тех из конкурирующих теоретических систем, которые в процессе объяснения накапливающейся экспериментальной информации используют сравнительно меньше независимых посылок. ... в принципе динамической простоты находит свое отражение важная закономерность познавательного процесса. Кратко суть ее можно сформулировать как «стремление» науки к созданию систем в высокой степени информативных, точнее – максимально информативных теоретических систем [5, с.257]. При этом информативность понимается как синоним «общности; информативность отождествляется с полем приложения теории, с ее способностью, используя возможно меньшее количество теоретических средств, описать и объяснить возможно более широкий круг явлений [5, с.265]. Критерий информативности с минимальными независимыми посылками теоретических систем является поиском сущности, поскольку только знание законов и закономерностей позволяют сократить детализацию и рассматривать минимальные (точнее существенные) посылки теоретизации. Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф и Уемов А.И. предлагают принцип адекватной сложности как обобщение принципа простоты. «Если под принципом простоты понимать требование выбора такой системы знания, которая при прочих равных условиях обладает минимальным, т.е. нулевым, значением сложности, то сформулированное нами методологическое правило может быть названо принципом адекватной сложности [5, с.266-267]. Последний также уточняется требованием: «минимальным должно быть значение отклонения сложности теоретической от сложности эмпирической системы» [5, с.269].

На наш взгляд, предложенный принцип не учитывает процессы усложнения и упрощения, поскольку стремление к нулю значения сложности является абстрагированием, которое не рассматривает проблему меры простоты и меры сложности. Недостаточным является и утверждение о «значении отклонения теоретической сложности от эмпирической». Сложность эмпирической системы адекватно отражается только при снижении несущественной детализации и отражении существенных, внутренних, устойчивых, повторяющихся закономерных связей, отношений и процессов. На наш взгляд, мера сложности определена ее существенными характеристиками, утрата которых собственно означает переход к простоте. И наоборот, утрата простоты означает обретение существенных характеристик сложности. Это мера определяется диалектическим единством простоты и сложности. Но мера простоты и мера сложности определена иной демаркацией – проблемой деформации формы и содержания, как утраты меры. Деформация простоты является утратой сложности в неадекватности упрощения существенных взаимосвязей, утрата простоты – в неадекватном усложнении модели. Деформация сложности часто отражает манипуляции, паразитизм на сложности, иждивенчество части на целом.

В субъект–субъектных отношениях сложность проявляется в обучении, в общении, а также в коммуникативных отношениях в целом. Специфика коммуникативного проявления сложности отражает проблему простоты как «информативности» и настороженное отношение к сложности в коммуникациях, что определяет преграды и трудности обучения и общения в коммуникациях. Григорий Саввич Сковорода утверждал: «Говорить правду легко и просто. У истины – простая речь. Господь, во всеблагости милости своей, сделал все нужное несложным, а все сложное – ненужным».

Приводя эти слова, Столяренко А.М. подчеркивает: «Действительно, окружающий мир и мы сами кажутся непостижимо сложными, но до тех пор, пока наука не исследовала их, а мы не овладели знаниями» [7, с.63]. Оптинский старец Амвросий учил: «там, где просто – там и ангелов со ста, там, где мудрено – там ни одного». Утверждения принципа простоты в доказательстве истинности сохраняется и в научном сознании. Не случайно в принципе обучения в дидактике важным является «восхождение от простого к сложному». Это правило сформулировано еще Я.А. Коменским в практической реализации принципа доступности: от легкого к трудному, от известного к неизвестному, от простого к сложному. Так в «общих требованиях обучения и учения, т.е. как учить и как учиться» в «Основоположении VI» великий дидактик писал: «любой язык, любые науки или искусства должны быть сперва преподаны в простейших элементах, чтобы у учеников сложилось общее понимание целого их; затем для более полного изучения даются правила и примеры, а потом сообщаются полные системы с присоединением неправильностей, наконец, даются, если это нужно, комментарии» [8, с.104].

Принцип доступности особенно важен в понимании сложности, которая часто конвенционально рассматривается в различных сферах и, прежде всего, в математических теориях. Но актуальность определений возрастает в гуманитарном знании, когда логическая обоснованность и согласованность знаний становится базовой для дальнейшего «развертывания» исследования. Сложность как свойство отражаемого объекта или процесса предполагает в коммуникативных отношениях осуществление принципа доступности, который известен как дидактический принцип в трансляции, обмене, интерпретации и понимании существенных взаимосвязей.

Таким образом, развитие сущности понятия «сложность» характеризует количественную и качественную динамику семантического отраженного поля. В нем сейчас наиболее рельефно представлены: объективная предметность, как многоэлементный состав структуры, ее многообразные отношения, субъективно-волевое отношение к сложности, как необходимость усилий в преодолении трудностей и фрагментарности в познании и практически-преобразующей деятельности, коммуникативных отношениях, сложности в передаче смыслов, и понимание сложности в интересе субъективности и саморефлексии субъекта.

Сложность можно определить как свойство объективно существующего предмета, совокупности предметов или процесса, атрибуцией которого является многоэлементность и многоуровневость структуры, которая обладает многообразием связей и поливариантностью отношений (функционирования, поведения и развития), эмерджентностью как мерой объединенности в связанности и последовательности. Сложность как свойство проявляется в субъект–субъект–объектных отношениях в осуществлении принципа максимизации информативности выявления существенных связей:

в познании и практически-преобразующей деятельности в диалектике абстрактного и конкретного, декомпозиции и синтезировании, модусности и модульности в моделировании;

в коммуникативной деятельности в реализации принципа доступности понимания в общении и обучении как проблема преодоления трудности трансляции, обмена, интерпретации и понимания существенных взаимосвязей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. /Сост., пер. с франц., ком. и посл. С. Табачниковой. Общ. ред. А.Пузырея - М.: Касталь, 1996. – 448 с.
2. О'Коннор Дж. Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем/Джозеф О'Коннор и Иан Макдермотт. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. — 256 с.
3. Стратегічне прогнозування політичних ситуацій та процесів: Монографія /За заг.ред. М.А. Лепського. – Запоріжжя: ЗНУ, 2012. – 428с.
4. Мартека В. Бионика. /Пер. с англ. Т.А. Никольской. Под ред. и с предисл. проф. Н.П. Наумова. – М.: Мир, 1967. – 141с.
5. Мамчур Е. А. Принцип простоты и меры сложности/ Е. А.Мамчур, Н. Ф. Овчинников, А. И. Уемов. - М.: Наука, 1989. - 304 с.

6. Бэкон Ф. О достоинстве и преумножении наук // Бэкон, Фрэнсис. Сочинения : В 2-х томах / Ф. Бэкон. - М. : Мысль. – 1977. – Т. 1 / Ред.-сост. А. Л. Субботин, Пер. Н. А. Федоров. - Изд. 2-е, испр. и доп. - М.: Мысль, 1977. - 567 с. - (Философское наследие).
7. Столяренко А.М. Психология и педагогика: Учеб. пособие для вузов. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. - 423 с.
8. Коменский, Ян Амос. Великая дидактика, содержащая универсальную теорию учить всех всему // Я. Коменский Учитель учителей («Материнская школа», «Великая дидактика» и др. произв. с сокращ.). – М.: Карапуз, 2009. – С.68-148.

SUMMARY

This article examines the semantic field of the concept of "complexity", attribute characteristics of the objective and its manifestation in the relationship of subject-subject-object nature.

Л.Д. КРИВЕГА, В.О. ЗУБОВ

СУЧАСНА СОЦІАЛЬНА ФІЛОСОФІЯ: ПРОБЛЕМИ ТА НАПРЯМКИ РОЗВИТКУ

Осмилення специфіки та плинності сучасного соціуму потребує адекватного методологічного інструментарія. Тому *слушним та своєчасним* є звернення до проблеми щодо розуміння концептуального статусу, проблемного поля та напрямків розвитку сучасної соціальної філософії, що і виступає *метою* написання цієї статті. *Певний доробок* в цьому напрямку зроблено такими фахівцями як К.Х. Момджян [4-6], К. М. Оганян, В. П. Бранський, Ю. В. Манько [7] та іншими науковцями. Зазначимо, що соціальна філософія - це система теоретичного знання про найбільш загальні закономірності функціонування і розвитку суспільства та тенденції взаємодії соціальних явищ. Соціальна філософія досліджує не окремий сегмент суспільного буття (історичний, економічний, демографічний тощо), а зосереджується рушійних силах та чинниках соціального розвитку, на «больових точках» функціонування соціуму, його особливостях в певний історичний час, на внутрішніх взаємозв'язках таких соціальних систем, як політика, економіка, ідеологія, культура, аналізуючи їх у взаємодії та системних зв'язках. Філософія виступає методологією наукового пізнання, і ця її особливість знаходить відображення і у сфері соціальних наук. Соціальна філософія — це рефлексія соціального буття людини, її соціальної поведінки. Сучасна філософія звертається до широкого діапазону тем щодо функціонування соціального буття. Слід відзначити три напрями осмилення сутності соціального буття: субстанціональний, функціональний аксіологічний. Останній свідчить, що в умовах постмодерної цивілізації на перший план виходить ціннісна складова суспільного буття.

Які ж проблеми стоять перед сучасною соціальною філософією? Найголовнішою є криза - *криза фрагментації*. Суть цієї кризи полягає в тому, що існує багато підходів в розумінні концептуального статусу, проблемного поля і завдань соціальної філософії, що ускладнює спроби діалогу між їхніми прихильниками. Існують, як мінімум, три конфліктуючих уявлення про суть і призначення соціальної філософії, прихильники яких сприймають своїх опонентів як таких, що підлягають дискредитації [6, с. 61-71].

Першу з цих течій представлено прихильниками *рефлексивної традиції*, які вважають, що соціальна філософія є вид наукового пізнання людини, суспільства та історії, якісно відмінний від нефілософського суспільствознавства і гуманітаристики. Рефлексивна соціальна філософія досліджує суспільство, історію і людину в аспекті суцього, тобто цікавиться власною логікою їх буття, яка дана суб'єкту пізнання феноменологічно і все ж не залежить від його ціннісних переваг, будучи об'єктом верифікованого знання. Предметне завдання рефлексивної соціальної філософії – аналіз сутності та існування соціальної реальності як підсистеми єдиного й цілісного світу, що цікавить філософію взагалі. Вивчаючи сутність суспільного життя, соціальна філософія розглядає його як соціум або надорганічну реальність – різноманітний у своїх проявах світ людини, виділений з природи і відмінний від неї.